

Топин

Липецк

ПРАЗДНИК И ТРУШЕК

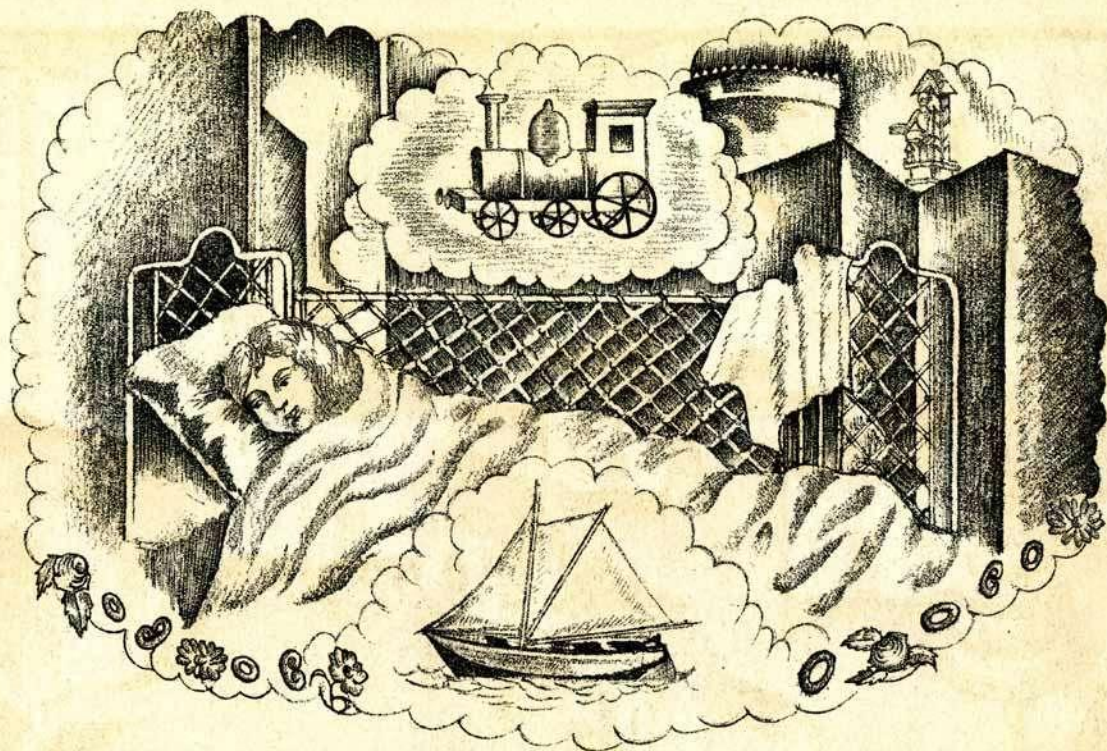
СКАЗКА И РИСУНКИ

ЮРИЯ ЧЕРКЕСОВА

А. К. В. И. Л. О. Н.

ПЕТЕРБУРГ

Завтра день рождения Шуры; ему исполнится пять лет, но, конечно, не столь интересно, сколько лет ему исполнится, а какие подарки ему приготовили папа, мама, дедушка с бабушкой и вообще все близкие. Сейчас уже вечер, игрушечные лавки все закрыты, и только он, Шура, остается в неведении своих завтрашних сокровищ. Ну как же тут можно сразу заснуть? Сколько няня и мама по очереди ни поют „Туру-туру пастушок“, Шурик всё ворочается с боку на бок в своей кроватке, и глазки никак не хотят сомкнуться. В детской полумрак; ночник на столе за ширмой слабо освещает комнату. Длинные причудливые тени от разных предметов лежат на потолке и стенах. Всё преображается и кажется то страшным, то смешным до неузнаваемости.

Какие же подарки Шура завтра получит? Догадался ли папа купить паровоз, мама — барабанчика? А что же приготовил дедушка? И вот вновь беспокойство охватывает Шуру.

В комнате давно уже тихо, няня задремала рядом с кроваткой... но что это за шорох? Он как будто исходит из того самого угла у окна, куда убираются на ночь все игрушки. Шурик приподнимается на кровати, всматривается в темноту—ничего не видно. Шум однако всё продолжается и даже как будто усиливается. Тихо, чтобы не разбудить задремавшую няню, спускается Шурик на пол и прокрадывается в угол с игрушками. По дороге он замечает, что стал очень быстро и легко передвигаться; оказывается, его поддерживают тоненькие проволочки, а ножки быстро помахивают по воздуху. В один миг он уже у окна. Смотрит, а окно и рядом стоящий стол стали громадными. Тут Шурик видит, что сам он сделался крошечным и превратился в одну из тех маленьких куколок, которых дедушка заставлял плясать на крышке рояля. На нем надеты красный кафтанчик и маленькая соломенная шляпочка.

В комнате стало как будто светлее, тени исчезли, и тут произошло что-то очень странное. Шура очутился в каком-то незнакомом городке. Как он в него попал,—он и сам не мог понять. Перед ним стояли ряды домиков, да таких миленьких, чистеньких, с красными крышами. Шура прошел по широким улицам, через пустынные большие площади. Странно! Ведь только что был как будто вечер, и няня укладывала его спать, а в этом чудесном городке ярко светит солнце. Почему-то только нет ни души на улицах, да и домики стоят пустые. Куда же девались все жители этого странного городка?

За пустынной площадью — стена. Подходит к ней Шура и видит, что она состоит из его любимых книжек: тут и Андерсоновский Прыгун, и Степка-Растрепка, и Маша-Разиня, и многие, многие другие. В стене оставлен проход, через который Шурик попадает на большую площадь, украшенную высокими мачтами, обвитыми разноцветными лентами и гирляндами цветов. Здесь небывалое оживление: громкий разговор, беготня, поскрипывание карусели, звуки труб и литавров, удары в барабан. Шура находит здесь всех своих старых зна-

комых. Перед хорошенькой франтихой (правда, в несколько старомодном платье) низко раскланивается щеголь во фраке, держа высокий цилиндр в руках; проходит и милый оловянный солдатик с неизменным своим ружьем на плече. К карусели пробирается разряженная барыня в огромном капоре, с большой муфтой в руках. Даже крестьяночка, нарисованная на крышке фарфоровой книжечки, и та не устояла на мамином туалете и как была — в деревянных сапогах — явилась на праздник. А карусель? Вот хитрая! Ведь она только притворялась сломанной и не хотела двигаться с места, сколько ни старался Шура, а теперь она так быстро кружится, что лошадки не успевают за ней, и две из них совсем с'ехали на бок.

Король в тюрбане с поднятым огромным мечом, королева в пестром платье с короной на голове, медведь с гитарой... все, как есть, все собрались на этот великолепный праздник. У одной из мачт стоит всадник и трубит, что есть сил, созывая всё вновь и вновь прибывающий народ. Недалеко от карусели помещается кукольный театр, но пока представления еще нет, и занавес опущен. Дальше виднеются деревья, унизанные чудными спелыми яблоками и грушами. Всем позволено набивать себе рты и карманы сочными плодами, которые сами от тяжести падают на траву. К Шуре неожиданно подскакивает презабавный китайский козел: полосатый, весь увешанный бубенцами, с большими красными кисточками на изогнутых рогах. Шура сперва пугается, но страх его проходит, как только козел с ним заговаривает: „Милый Шурик, я тебя давно знаю, ты меня гладил и ласкал, когда еще был совсем маленьким, я тебя очень люблю и хочу показать тебе наш праздник, а то ты можешь тут легко заблудиться!“

Только такого товарища не доставало Шуре; с радостью отправляется он вслед за козлом.

По другую сторону от театра сидит великан-турка с огромной головой и крошечными ножками; одет он в красную рубашку и синие штаны, на голове у него чалма, а за спиной ранец. К нему так и валит народ, привлекаемый ударами в барабан и громкими звуками

полкового оркестра. Подходит Шура ближе, смотрит и ужасается — уж очень страшная у турки рожа: огромный горбатый нос, круглые брови и торчащие кверху усы. Перед туркой стояла невысокая крепостная стена. Обжора только и делал, что открывал свою пасть и проглатывал одного за другим маленьких солдатиков. Шура было очень испугался, но козел объяснил ему, что солдатiki остаются всё же живыми. Страх Шуры немного прошел, но быть на месте проглатываемых человечков он ни за что бы не согласился. Налюбовавшись досыта новенькими мундирами солдатиков, Шурик с козлом отправились дальше и попали в очень забавную страну, где вместо солнца из-за деревьев светила луна. Домики тут были совсем необыкновенные, не то шалаши, не то беседки, некоторые в два этажа. Всюду в окнах стояло много цветов. Тут же на площади происходило удивительное представление. Два маленьких человечка в широких длинных халатах, с такими же длинными рукавами, из под которых даже не было видно рук, с на-голо выбритыми головами, прикрытыми черными шапочками, занимались дрессировкой чудовища. Кот не кот и не тигр, ярко желтый с черными пятнами, длинным хвостом, мохнатыми ушами, торчащими во все стороны усами и оскаленными зубами. Чудовище рычало, но во всем повиновалось своим укротителям, которые оказались волшебниками. После представления они пригласили всех зрителей к себе в домики и напоили их крепким душистым чаем из маленьких разноцветных чашек. Шуре волшебники так понравились, что ему жалко было с ними расставаться, но нужно было спешить, так как в театре на площади вскоре должно было начаться представление, а опоздать на него, никто, конечно, не хотел. И, действительно, пришли наши приятели как раз во-время, так как занавес только что поднялся.

Действие происходило в далекой стране, управляемой добрыми королем и королевой. Сейчас они стояли у высоких стен своего города в глубоком отчаянии. Их постигло большое несчастье, их красавица-дочь пропала. Кто ее похитил, и где она находится, никто не

знал. Но вот раздались веселые звуки труб и появился отважный рыцарь — брат похищенной принцессы, за ним шла она сама и, при виде родителей, бросилась им в объятия, на глазах ликующего народа.

Но тут произошло нечто для всех неожиданное. В момент трогательной встречи, полишинель, которого все, в том числе и Шура, считали за самого безобидного старичка, вскочил на великолепного арабского коня, принадлежавшего молодому принцу, схватил растерявшуюся красавицу и умчал ее вдаль, нагоняя безумный страх на всех. Толпа сразу разбежалась; короля и королеву оттеснили к самым стенам. В суматохе многие были сбиты с ног и беспомощно лежали на земле. На этом и опустился занавес. Что же тут оставалось делать? Шурику стало немного не по себе, но он успокоился, когда козел ему напомнил, что это всё было только представление, и потому, похлопав вместе с прочей публикой в ладоши, он отправился на берег озера, где уже ожидала его отличная парусная лодка. Ему захотелось проехать на противоположный берег, где, кажется, было еще интереснее. Садясь в лодку, Шуре пришлось распрощаться со своим товарищем, китайским козлом, который не мог покинуть этого берега, да и побаивался лодки. Он поблагодарил козла, расцеловал его в мордочку и сел у руля. Паруса были уже натянуты, и лодка быстро помчалась по озеру. Издали Шурик рассматривал прелестные виды, расстилавшиеся по берегам. Большая ферма стояла у самой воды, перед ней раскинулась зеленая лужайка, вся усеянная цветами. За домиком виднелись склоны гор, покрытые мягкой травой, деревьями и виноградниками; через овраги были перекинuty каменные мосты. Из туннеля как раз выбегал длинный поезд. Ферма очень походила на ту, которую папа подарил Шуре на прошлую елку. Перед ней на лужайке паслось большое стадо коров и лошадей; тут же проходила дорога, ведущая в гору к станции. Всё это было необычайно мило! У крыльца ждала почтовая карета; кучер дремал на козлах.

Пристав к берегу, Шурик отправился прямо на ферму. Здесь его очень гостеприимно встретили и угостили молоком с бисквитами. Нижний этаж дома был обвит зеленью дикого винограда, образуя тенистую беседку: с большого балкона второго этажа открывался далекий вид во все стороны. Отсюда, но уже совсем вдали, можно было различить карусель, театрик и турку; глухо доносился отдаленный гул толпы и звуки музыки.

Отдохнув, Шура отправился осматривать хозяйство фермы и сразу попал на птичий двор, огороженный высоким забором. Никогда он не видел столько кур, гусей, уток, петухов, всевозможных других птиц и пичурок. Среди них преважно восседала одна большущая птица, но кто она такая была, никто не мог сказать. Одни уверяли, что это павлин, другие—что фазан, а третьи—что птица эта райская и волшебная. Во всяком случае, важности у нее хватало на всех трех взятых вместе; здесь она была недавно и считала всё остальное птичье общество ниже себя. Да и в самом деле, у кого же крылья отливали таким чистым золотом, были такие ярко-красные перья и такой длинный многоцветный хвост. Другие птицы ходили по дворику, поклевывая зерна, раскапывая червей; утки и гуси барахтались в пруду.

В это пернатое общество каким-то чудом забрел толстый, кудрявый баран с изогнутыми рогами и толстым хвостом. Он не решался подойти к пруду, совсем растерялся и с глупым видом стоял посреди незнакомой компании.

Пока Шура изучал жизнь птиц и делал свои наблюдения, он и не заметил, как к большой деревянной клетке подлетел необыкновенной красоты китайский сокол, переливавший всеми цветами радуги. Он тихо свистнул... и вдруг дверца клетки, до тех пор закрытая, с шумом распахнулась, оттуда выскочил большой белый петух и закричал что было его петушиной мочи: „Ку-ка-ре-ку! довольно спать! Ку-ка-ре-ку! пора вставать!“. Ему стали вторить все петухи, находившиеся на дворе, особенно же надрывалась пара китайских

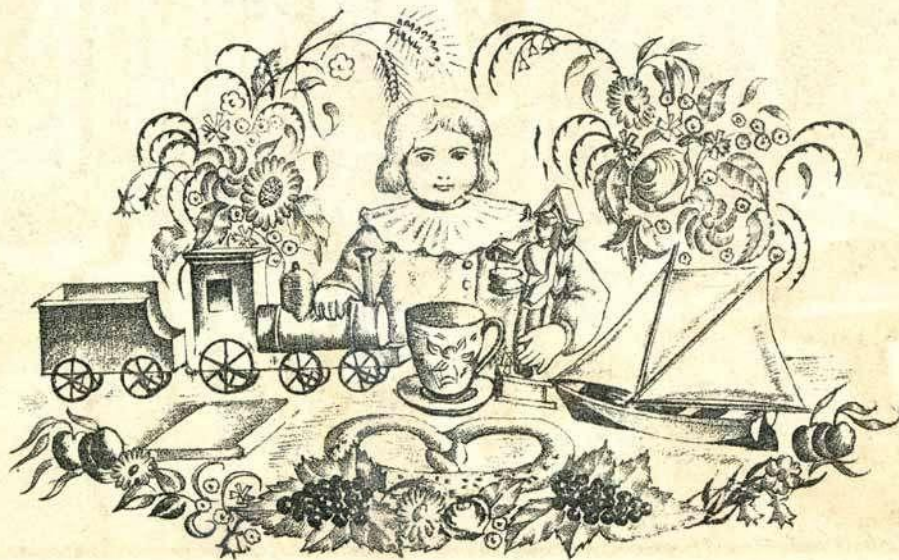

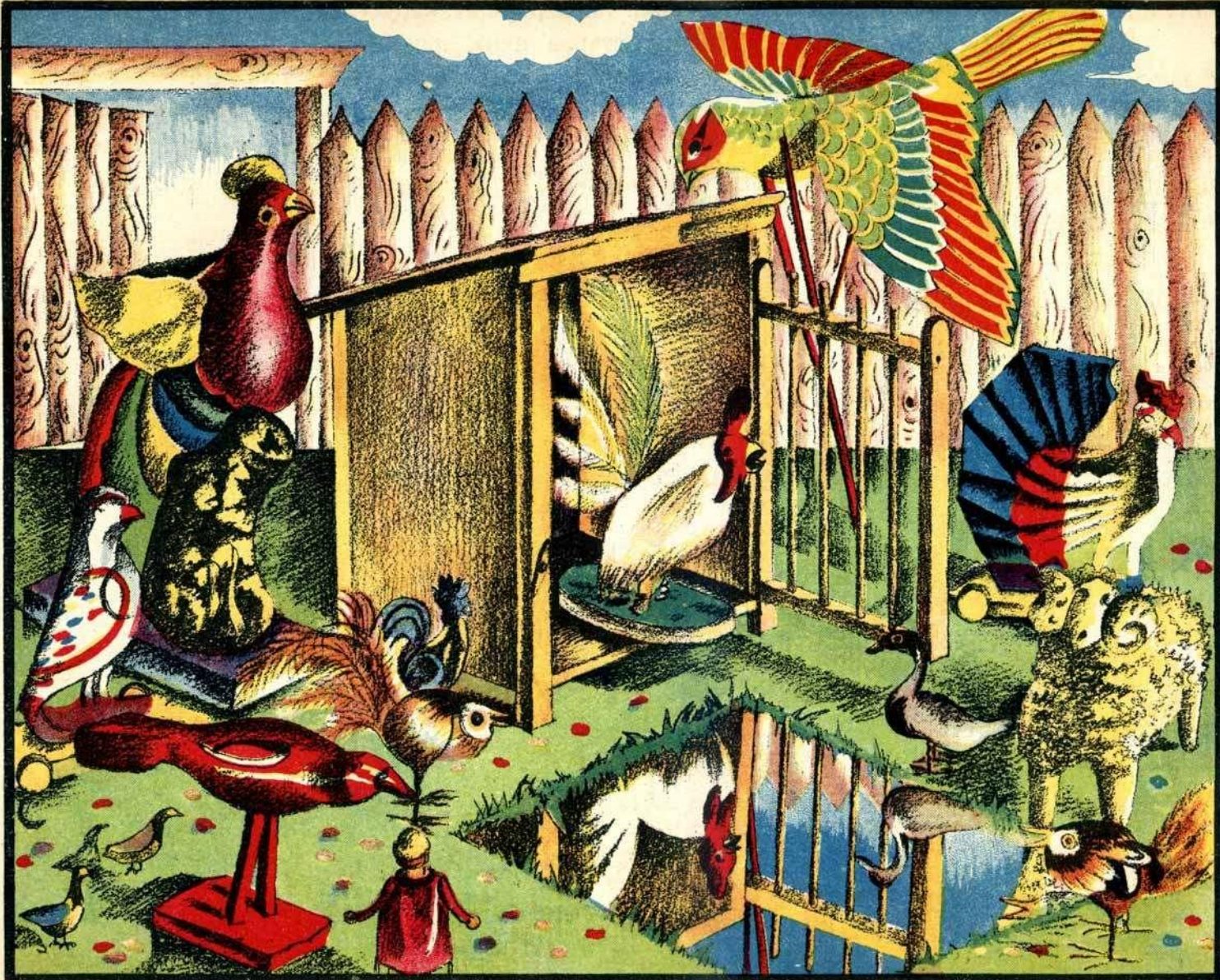

петухов, тех самых, что сидели на празднике на верхушке карусели.

„Вставай, Шурик! вставай“ — говорила старая няня, наклоняясь над кроваткой. Она была в новом чепце и в белоснежном переднике. „Вот, как заспался! Мама и папа давно тебя ждут в столовой“. — И, действительно, давно уже наступило утро и солнце ярко светило в окна. Но где же большой белый петух? Где всё птичье царство? Ферма? А остальное столь чудесное: театр? Карусель? Тут только Шура понял, что он во сне побывал на празднике игрушек.

Сначала он огорчился: всё это было только сон?! Но тут же он вспомнил, что сегодня его рождение. Несомненно рядом в комнате его ожидают новые, замечательные игрушки. Он, при помощи няни, поспешно оделся, не пикнул, пока его мыли, позволил себя причесать, что он вообще почему то не слишком любил, и выбежал чистенький, розовенький в новом костюмчике с развевающимися кудрями и блестящими глазами в столовую; а тут на столе его ожидало множество новых игрушек. Правда, их было меньше, чем во сне, но всё же достаточно, чтобы его занять на несколько недель.

Томографы имени Ивана Федорова. Ленинградские II
Полноцвет. № 2003. — 2005 г.г.